

ВАДИМ БЕЛОУСОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕСЕЛЫХ ЛЮДЯХ

Нет, в данном случае я имею в виду не так называемых «веселых мужиков», которые, будучи приглашенными в компанию, почитают за священный долг не закрывать рот в течение всего вечера и превращают праздничное застолье в своего рода собрание, где один-единственный докладчик, не связанный никаким регламентом.

Речь пойдет о других веселых людях. С некоторыми из них я встречался давно и даже не знаю их фамилий, других часто вижу и сегодня, но все они крепко запомнились радостной увлеченностью любимым делом.

Люди, о которых я хочу рассказать, имеют профессии самые обыкновенные. И все-таки я убежден, что им повезло, потому что им интересно жить, творя полезное другим.

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Я встретился с ними в ресторане. Вообще-то, в таком месте не принято встречаться с положительными героями. Но так уж получилось.

Они подошли к моему столику и спросили, не занято ли. Впрочем, спросил один. Второй, видимо, чувствовал себя здесь как робкий безбожник в храме. Он моргал редкими белесыми ресницами, молчал и отчаянно боялся привлечь к себе внимание.

Первый небрежно взял стул и сел, слегка откинувшись на спинку. Второй постарался сесть как можно осторожнее. Казалось, он берет в свои огромные руки не стул, а хрупкую мензурку. И, конечно, стул загрохотал. На парня стали оглядываться. Он окончательно смутился и застыл в неудобной позе.

Первый довольно громко заметил:

— Вот так, Петро. Теперь посидим здесь часика два, подождем. Как раз аппетит нагуляем... Впрочем, пока они обслуживают, любой аппетит может пройти.

Петро покраснел, глянул по сторонам и, сдерживая свой могучий дьяконский бас, умоляюще сказал:

— Ну, чего ты шумишь, Виктор... Принесут.

Виктор сразу вцепился в приятеля.

— Конечно, такой тюлень, как ты, может и пять часов сидеть и ждать, а я не могу... Девушка, кто обслуживает этот столик?!

— Она сейчас придет.

— Вот-вот... Сейчас придет!.. Жди

их по три часа.

Он распространялся на эту тему, пока официантка не пришла.

— Два заливных, два бефстроганов, два по сто пятьдесят и два пива,— отчеканил Виктор тоном завсегдатая.

— Ты... тово... остановись,— встревоженно перебил Петро.

— Все в порядке. Ты со мной ни о чем не беспокойся... Девушка, один раз побыстрее...

Они получили водку и заливную осетрину и принялись за дело. Петро отведать закуску, блаженно причмокнул:

— Знаешь, Виктор, если бы я был твоя девушка, я бы с тобой везде безбоязненно ходил. Ты чувствуешь, что заказывать надо.

Виктор с минуту скептически рассматривал лицо друга:

— Если бы ты был девушка, я бы тебя никуда не водил. Нос у тебя, как картошка.

— Вот так он всегда. Обижает меня,— апеллировал ко мне Петро. Но на его лице отражалось восхищение бойким и остроумным другом.— Мы вместе учились... И всегда он так... Не буду больше в город ездить, когда ты тут.

— И не езд! Сиди в своих степях...

В это время им подали бефстроганов. Петро полюбовался красиво выложенной горкой жареного картофеля:

— Хрустальный картофель!

— Не хрустальный, а хрустящий... Беда с тобой! Прямо стыдно куда-нибудь пойти... Хрустящий, хрустящий. Запомни... Небось, и как есть его не знаешь. Вот видишь: сверху лук лежит.

Надо есть так, чтобы он не упал. Снизу есть.

Петро воспринял это указание со всей серьезностью и стал осторожно орудовать вилкой: как бы не уронить лук.

— Вот, сказал он после непродолжительного молчания, — зову его к себе на Черные земли, а он не хочет.

— Ха,— откликнулся Виктор.— Зачем мне это надо?!... У нас в районе, знаешь, какие арбузы выращиваются! Круглый год и Кисловодск, и Пятигорск снабжаем... Сложим их в бурты и в любой сезон, пожалуйста, свежие арбузики... Кора у них тонкая, мякоть сочная... Во — арбузики!.. А у тебя там что?

Глаза Петра стали большими и восторженными:

— А у нас просторы... озера... рыбы сколь хошь, птица... Даже кабаны дикие... Красота... Ты видел, как камыш цветет?

— Камыш!.. Тебе камыш нужен, когда начальство едет. Забрался в камыши и никакой начальник тебя не найдет...

— А все-таки здорово камыш цветет...

— Камыш-камыш!.. Зарылся в него и людей не видишь.

— Это верно, — погрузился Петро,— людей иной раз не видишь. Больше отары. Не хватает у нас людей, мало едут к нам... А ведь как хорошо у нас! К нам на озера отдыхать приезжают... Рыбу ловить. И удочкой ловят, и бреднем. И птицу стреляют... Во как довольны!.. А он не хочет к нам ехать.

Разговор на эту тему, видимо, начался не сегодня и успел надоесть Виктору.

— Да пойми ты! Не отпускают меня!

— Оно верно. Такого парня не отпускают,— покорно согласился Петро и задумался. «Хрустальный» картофель медленно остывал на его тарелке.

Виктор покосился на загрустившего друга и толкнул его легонько локтем.

— Петро, а помнишь, как мы с тобой брились?— Это, наверное, была старая и любимая шутка. Петро стряхнул задумчивость и засмеялся.— Когда за одно и то же с меня 80 копеек взяли, а с тебя 90. Сказали: от квадратного метра бреем.

— Вот всегда он меня так,— весело пожаловался Петро.— Раз,— и к ногтю. Обижает. Не пойду я с тобой больше никуда.

— Не ходи. Тоже радость — с тобой ходить.

Петро встал и пошел за папиросами. Виктор некоторое время смотрел ему вслед. Потом повернулся ко мне. Впервые за весь долгий вечер его живые карие глаза сделались абсолютно серьезными:

— Ты не смотри, что он такой простоватый. Колоссальный парень. В глуши живет и работает, как трактор, и не хнычет. Молодец! Уважаю, как никого. Да таких и нельзя не уважать.

Прошел уже не один год с тех пор, как я записал этот разговор с молодыми агрономами. Но мне до сих пор отчетливо помнится, как увлеченно они расхваливали места, в которых живут. О работе тогда говорилось очень мало. Но кто же станет превозносить глушь, если дело, которым там занимаешься, не приносит радости.

ИНТЕРЕСНО!

В разговоре с ним это слово звучало очень часто. Интересно узнать, интересно сделать, интересно разобратся.

Леонид Пономарев работает на Ставропольской мебельной фабрике. Сейчас он—конструктор-технолог.

Так что, как видите, профессия опять-таки не какая-то уникальная. И тем не менее, говоря о своей работе, Леонид часто повторяет слово «интересно».

Дерево. Оно очень красиво, когда растет, когда стоит в лесу в окружении таких же деревьев, похожих друг на друга и в то же время необычайно разнообразных. Красива и его шершавая

кора, красивы и сучья причудливой формы.

Но срубленное дерево теряет свою красоту, превращается в мертвое бревно. И кора выглядит уже каким-то безобразным наростом, и сучья кажутся уродливыми.

Руки столяра возвращают дереву утраченную красоту, возвращают уже в новой форме, в новом качестве. С пошвытием пробежал рубанок по шершавому боку доски, и масляно заблестела гладкая поверхность, которую так и хочется потрогать рукой.

Был ли элемент везения и случайности в том, что Леонид Пономарев занялся именно этим делом? Пожалуй, нет. Обработка дерева привлекала его еще в детстве.

Он сам так рассказывал мне об этом:

— Я в основном занимался резьбой по дереву. Это было где-то в пятом классе, в шестом. Возился с этим делом обычно допоздна. А когда выпиливал, бывало, что и ночь прихватишь. До двенадцати. Ну, а до десяти — это уж как закон.

Затем первая работа была моя, это я мастерила рубанок, который мне с трудом, конечно, удался. Но он все-таки был похож на этот самый рубанок и даже, кажется, немного строгал.

Вот с этого, собственно, все и началось. После армии Леонид стал мебельщиком.

Разные специальности освоил он на фабрике. Для начала поставили упаковщиком. Прошло немного времени — оказался в цехе сборки. Поработал сборщиком, перевели в отделочники («работал там на полировании, шлифовании лаковых пленок. Очень интересная работа. Ты видишь, что из простой, ну как бы немного тусклой у тебя выходит деталь, от которой уже блеск идеальный. Очень хорошая специальность»). Но и на этой хорошей специальности он не остановился. Еще до окончания техникума, где учился заочно, Леонид стал контролером ОТК («Очень интересная работа. Тут надо не только

заметить и не пропустить брак, но и подсказать, как от него избавиться. А это труднее бывает, чем новую вещь сделать»). Потом он был нормировщиком («Если чего-то не узнаешь, не будешь знать всего производства»). Но вот закончен техникум. («В данный момент я работаю конструктором. Ну, очень интересная специальность. Занимаешься не только конструированием, но также и оборудованием, на котором работают люди. Чтобы оно было производительное и в то же время, чтобы было легко работать, чтобы меньше требовалось ручных операций»). Казалось бы, все. Есть диплом об окончании техникума, есть знания, есть работа, интересная и важная. Можно и остановиться. Но тут я узнаю, что Леонид собирается поступать в Воронежский лесотехнический институт. И опять заочно. Он выбрал факультет станков и оборудования («И хочется мне побольше узнать, побольше научиться и заняться изготовлением оборудования, на котором будут работать люди, чтобы оно было очень удобно. Вот к этому я стремлюсь в данное время»).

Может создаться впечатление, что Леонид изменяет любимому дереву ради металла, из которого собирается изготавливать станки. Но ведь станки-то эти будут обрабатывать дерево, будут облегчать труд рабочих-мебельщиков.

А кроме того, есть во дворе дома, где живет Леонид Пономарев, маленький садик, а за садиком сарай, в котором пахнет свежими стружками, а по стенам висят разнообразные инструменты. Здесь он остается наедине с деревом, без посредства каких-либо современных станков. Здесь он делает вещи для себя таким же способом, как делали их столяры двадцать, тридцать, пятьдесят лет назад. Только форма вещей иная, самая современная.

И мне кажется, даже тогда, когда Леонид будет ломать голову над какой-нибудь супермашиной, такой сарайчик где-то останется. Он будет приходить туда, чтобы почувствовать, как упруго движется под рукой рубанок,

увидеть, как оживает мертвое дерево, и возвращается к нему утраченная красота.

ЖРЕЦ РАЗНОЦВЕТНЫХ ОГНЕЙ

У мальчишек на это дело чутье. Они заранее собираются стайками и шныряют вокруг заветного места. С любопытством первооткрывателей они смотрят, как роют небольшие ямы, совсем обыкновенные ямы. Но лишь немногие избранные допускаются к участию в работах.

Ими командует человек в старой армейской фуражке, которая лихо сидит на крупной голове. Годы ссутулили его плечи, но он все еще выглядит могучим. Он уверен в себе, но волнуется, хотя то, чем занят сейчас, делает не в первый и даже не в двадцатый раз.

Этот человек умеет руководить мальчишками. Он говорит:

— Вася, ты — мой старый друг. Я на тебя надеюсь. Сделай то-то и то-то.

И Вася, гордый доверием, точно выполняет поручение, хотя бы оно состояло в том, чтобы принести лопату. А на него завистливо смотрят кандидаты в «старые друзья».

В деревянные станки вставляются «ракеты», похожие на легкие индейские стрелы, жерла врытых в землю отрезков труб принимают «бураки» — тугие цилиндрические свертки с длинными хвостами шнура.

На эстраде симфонический оркестр играет «1812-й год» Чайковского. Торжественные звуки нарастают. Слышится перезвон колоколов. И в этот момент в руках человека в старой армейской фуражке вспыхивает факел на длинном шесте...

...Бегут по шнурам маленькие, еле приметные огоньки... Басовито ухают «пушки» и «бураки», с шипением устремляются ввысь стрелы «ракет». В ночном небе — россыпи алмазов, рубинов.

Площадку заволакивает пороховым дымом, который неприятно отдает тухлым яйцом. И в этом дыму мелькает человек с факелом. Он сейчас похож на жреца. Одно движение его руки — и небо

вновь расцветает.

Музыка смолкла. Гаснут последние огни фейерверка. И сразу же раздается гром аплодисментов. Там, на эстраде, наверное, сейчас раскланивается дирижер в черном.

А человек в старой армейской фуражке затаптывает мелкие огоньки в траве. Снова появляются на время удаленные «старые друзья». Они уносят трубы, станки, лопату и другой инструмент.

Потом уходит и он сам. А аплодисменты не смолкают.

Он уходит усталый, еще более ссутулившийся.

Сейчас он напоминает мне пианиста, только что исполнившего сложный концерт.

Этого человека звали Сергей Михайлович Чернов. Сейчас его уже нет в живых, но мне хотелось рассказать о нем, как о живом. Я любил помогать ему, когда он запаливал фейерверки, возможно, и потому, что умел удивительно заражать окружающих своей увлеченностью, он был вполне счастлив, занимаясь пиротехникой. И, признаться, в такие минуты я ему завидовал. Это еще одно свойство людей, любящих свои занятия,— вызывать зависть. Когда я разговаривал с Леонидом Пономаревым, то жалел, что я не мебельщик, когда помогал Сергею Михайловичу, думал, что хорошо бы узнать все тайны пиротехники.

Это, наверное, происходит потому, что такие люди абсолютно убеждены, что их дело самое важное, самое нужное и самое интересное на земле, и эта убежденность невольно передается тому, кто с ними общается.

БЕТОН И ЦВЕТЫ

Знакомство с этим человеком у меня состоялось заочно. Дело в том, что близилась юбилейная дата в жизни Бориса Павловича Малороссиянова, и коллеги решили устроить ему сюрприз: радиопередачу о нем в день его рождения. Ну, а какой же сюрприз, если

тот, кому он предназначен, уже все знает! Поэтому-то и не звучал в той передаче голос самого Бориса Павловича.

Впрочем, уже сам факт именно такого сюрприза от товарищей о работе говорит о многом.

Разные люди рассказывали о нем разное. Каждый отмечал какую-то наиболее понравившуюся черту в характере этого человека. Но об одном сказали почти все — о веселости, о чувстве юмора.

Борис Павлович преподает в Ставропольском строительном техникуме строительные конструкции, предмет, который для непосвященного звучит как-то весьма тяжеловесно.

И тем не менее...

Наверное, каждому знакомы томительные минуты, когда до конца неинтересного урока или лекции остается не очень много времени. Начинается какое-то шуршание, еле слышный шепот взбивает тишину — это те, у кого нет часов, добиваются от хранителей времени ответа на животрепещущий вопрос: сколько, ну, сколько же осталось до звонка?

Медленно, страшно медленно тянутся эти последние минуты.

У Бориса Павловича так не бывает никогда. Вот как отозвался о его занятиях один из студентов — Кашероков:

— Борис Павлович у нас вел расчет железобетонных конструкций. Уроки его проходили очень оживленно и быстро. Быстрее всех, в общем.

Согласитесь, далеко не каждый преподаватель может с чистой совестью похвастать, что его уроки пролетают для учащихся, как одно мгновение и в то же время оставляют прочные знания.

К сожалению, еще бытует в педагогической среде мнение, что, коль скоро учеба есть труд, то урокам совершенно не обязательно быть увлекательными. Учащиеся должны получить определенную порцию знаний, а под каким соусом — не столь важно. И превращается тогда литература в унылое анатомирование гениальных произ-

ведений на «характерные черты и особенности», уходит из нее живая душа и вместо того, чтобы прививать любовь к чтению, такие уроки отвращают ребят от книги.

Борис Павлович, наоборот, умеет вдохнуть душу в предмет, казалось бы, сухой и далекий от какой бы то ни было эмоциональности.

О людях, как правило, прежде всего судят по их, так сказать, профессиональным качествам. Но нередко можно слышать о ком-то: «Прекрасный специалист, но груб и заносчив». И это «но» не только портит нервы окружающим, а и, в конечном счете, начинает отрицательно влиять на самую работу. Особенно, если речь идет о работе с людьми, как, например, у преподавателя. Гёте очень метко сказал: «Те, у которых мы учимся, правильно называются нашими учителями, но не всякий, кто учит нас, заслуживает это имя».

Ведь преподаватель наделен очень большими правами в отношении учащихся. И если эти права оказываются в руках человека неуравновешенного, желчного, то не трудно представить себе пагубные результаты его деятельности на ниве просвещения.

Все это никак не относится к Борису Павловичу. Я хочу привести диалог, в котором вперемешку говорилось и о преподавательском искусстве Бориса Павловича, и о его чисто человеческих качествах, и о его увлечениях. Рассказывают преподаватели специальных дисциплин Люция Владимировна Шумарова и Вера Прокофьевна Бакший.

Шумарова: Учащиеся на его уроках полны внимания, урок идет интересно. Но они не утомляются, потому что Борис Павлович шуткой умеет вовремя разрядить обстановку усталости в классе. Уроки проходят быстро, незаметно летит время.

Бакший: Он очень внимателен к преподавателям, особенно молодым. Причем помощь он оказывает тактично, благожелательно.

Шумарова: Мне самой несколько лет назад пришлось воспользоваться этой помощью, когда я начинала курс строительных конструкций. Я посетила почти все уроки Бориса Павловича.

По нашему предмету много книг, необходимый материал очень разбросан. Борис Павлович умеет сконцентрировать в своих лекциях самое главное. Интересно проходят и практические занятия. Ребята сами находят решение, подсказывают, какой материал необходимо принять при расчете той или иной конструкции.

Борис Павлович не только учит ребят, учимся у него и все мы, преподаватели специальных дисциплин.

Бакший: Для меня лично он служит примером и в том, как он работает и — вообще, как ведет себя в жизни, если можно так сказать. Нравится мне его отношение к жене, нравится его гостеприимство, его доброжелательность к людям.

Шумарова: Бориса Павловича уважают все в техникуме. Для этого оснований много. Но вот даже такая мелочь: он никогда не пройдет мимо человека, не поздоровавшись, будь то технический работник или преподаватель. Он ко всем внимателен.

Бакший: И мне нравится в нем даже то, что он любит цветы. Может быть, потому, что я их тоже люблю.

Шумарова: Борис Павлович увлечен своим предметом, много читает специальной литературы, но не пропускает интересных новинок и в беллетристике. Я знаю, что он — читатель многих литературно-художественных журналов.

Итак, железобетон и цветы, формулы и художественная литература. Как видим, они могут прекрасно уживаться.

Конечно же, в преподавательской работе Бориса Павловича огромную роль играет его жизненный и производственный опыт. Ему доводилось работать и техником в коммунальном отделе, и инженером на военном строительстве, и на железнодорожном

транспорте.

Но не меньшее значение имеют широта его интересов и его личные человеческие качества. Все это вместе и создает облик человека, которого с полным правом можно назвать учителем.

РАБОТА ДЛЯ ДУШИ

К Елене Андреевне Мамонтовой я ездил в прошлом году в связи с награждением ее Ленинской юбилейной медалью «За доблестный труд».

Как человек находит свое жизненное призвание? Иной уже в детстве «лечит» игрушечных медведей и зайцев, потом товарищей, а потом становится врачом. Становится, порой, несмотря на неудачи, на трудности. Становится потому, что не мыслит для себя другой профессии. Бывает и иначе, когда человек приходит к правильному выбору через ошибки и колебания.

Как же нашла свое призвание Елена Андреевна?

Она рассказывала об этом так:

— В 1936 году в городе Ессентуки организовался библиотечный техникум. Надо сказать, что я попала туда случайно, поступала в педучилище, а тут стало известно о новом техникуме, и мы с братом с радостью перешли туда. Мы вместе в педучилище поступали.

Родители были очень довольны, потому что у нас в семье все очень любили книжки. Мама очень обрадовалась, говорит: это такая культурная работа... В общем, воодушевила меня и мы остались в этом техникуме... Ну, в 39-м году я его окончила и была направлена в село Изобильное, тогда оно было еще селом. Сначала была заведующей сельской библиотекой, 25 лет проработала заведующей, потом, по состоянию здоровья, перешла библиотекарем. Работа эта очень интересная. Трудная, как говорил Михаил Иванович Калинин, но благородная и увлекательная работа для души...

Пожалуй, нельзя все-таки считать, что Елена Андреевна выбрала свою профессию совсем уж случайно. Любовь

к книгам, возникшая под влиянием родителей, тут, видимо, сыграла немаловажную роль. Елена Андреевна говорит о книгах, как о живых существах, о друзьях, с которыми приятно встречаться снова и снова. И эти встречи никогда не надоедают.

Но одной любви к книгам тут все-таки недостаточно. Мне приходилось встречать библиотекарей, хмурых и раздраженных, воспринимающих любую нестандартную просьбу читателя как некий выпад против них лично. А книги между тем они любили.

— Я очень люблю читателей,— говорит Елена Андреевна.— Так как давно здесь живу, то многих знаю, и чем он интересуется, и чем он живет, и как он живет, а это, знаете, очень много значит... Иногда у него плохое настроение, ему надо что-то полегче подобрать... Многие учатся, тут тоже помощь нужна. И я просто люблю с ними работать, люблю им выискивать что-то. Это, знаете, наверное, в крови, что ли, или так, по привычке уж. И очень болею, если я ему что-нибудь не смогла найти именно сегодня. Понимаете, переживаю.

От встречи с Еленой Андреевной у меня осталось впечатление, что это добрый и очень расположенный к окружающим человек. Это впечатление подтвердилось, когда я поинтересовался мнением ее товарищей по работе.

Заведующая районной библиотекой Тамара Алексеевна Ткаченко:

— Все мы, работники библиотеки, являемся учениками Елены Андреевны. Она всегда была нашим товарищем, помощником в работе. В любых случаях, когда мы с чем-то не можем справиться, обращаемся за советом к ней.

Методист районной библиотеки Вера Николаевна Напольская:

— С Еленой Андреевной я работаю около трех лет и всегда, когда в работе имеются затруднения, мы обращаемся к ней. Елена Андреевна никогда не отказывает.

Заведующая абонементом Вера Ильинична Устименко:

— На работе Елена Андреевна

очень внимательна к каждому читателю и если ее нет, они ее ждут даже. Понимаете, настолько некоторые читатели привыкли к ней, что даже считают, что другой библиотекарь не так и подберет ему литературу, а вот именно Елена Андреевна угадает, что надо ему.

Елене Андреевне Мамонтовой повезло с выбором профессии. Но еще в большей степени, как мне кажется, повезло тем многим тысячам людей других профессий, которые вот уже тридцать лет приходят в Изобильненскую районную библиотеку, чтобы получить из рук Елены Андреевны новую книгу.

Я рассказал всего о пяти из встреченных мною людей. Они нашли свое место в жизни, нашли радость в самом деле, в самом процессе работы, а не в связанных с ней благах или привилегиях. Их-то я и называю веселыми.